

Предисловие

Ноябрь 1999 г.

- Чего ты сейчас хочешь, капитан?
- Я? В Чечню!
- Так там же война!
- Вот я и хочу на войну. Что мне в Бурятии делать? Лбы разбитые зашивать, с парашютом прыгать да из запоев выводить?
- Хорошо подумал, капитан?
- А что думать-то, товарищ полковник?!
- Вот тебе лист бумаги... Пиши рапорт на имя командующего СибВО, «прошу направить меня для дальнейшего прохождения службы в Республику Чечня».

Май 2018 г.

Война не покидает меня. Прошло тринадцать лет, как я оставил чеченские берега, и месяц, как снял погоны, а каждый прожитый день и ночь напоминает мне о ней.

Это не диагноз ПТСР (посттравматическое стрессовое невротическое расстройство), придуманный американскими психиатрами для солдат-неврастеников и страховых компаний. Напоминанием служат ежедневные события, которые происходят далеко от линии фронта. Хотя в Чечне фронта как такового никогда не было. Опасность ждала везде: от случайной пули сослуживца, минных полей, мирных жителей, вирусного гепатита и платяных вшей.

— Во сколько вы можете оценить свою ногу... так сказать, выше колена?

Этот вопрос, который задал коллега председателю врачебной комиссии.

— Вы же знаете, что такое фантомная боль, доктор? — спросил одноногий пациент отделения неврозов.

«Что он имел в виду? — подумал я. — Клинику или ощущения?»

Когда я уходил на войну, батюшка — настоятель Серафимовского храма в Питере — сказал, чтобы я берёг свою ногу. Как можно беречь именно ногу? Как вообще себя можно сберечь в этой жизни? Самая пустая фраза: «Береги себя». И звучит чаще как безразличие. Всё равно что сказать тост: «Желаю тебе...» Это проекция, пожелание, направленное на себя, а сказанное другому. А «береги себя» — это заедание собственной тревоги, собственной слабости. И парень, которому десять лет назад в Чечне на mine оторвало ногу, это понимал.

— К страху привыкаешь и уже понимаешь, когда летят пули прицельно в тебя, а когда мимо, — рассказывал он о первых днях. Я слушал его и вспоминал, как мы с начальником аптеки после субботней бани в вагончике сидели на Ханкалинском пригорке и слушали «птичьи трели». Пули на излёте похожи на птиц. Но когда пьёшь спирт, страх улетучивается, изменяется сознание и восприятие реальности.

«Я видел пули, доктор, — вспомнил я слова пленного ГРУшника. Его как раз освобождали, когда во время обмена пленными началась двухсторонняя стрельба. — Вы можете мне не верить. Я видел их серые тельца и пригibasя. Поэтому я сейчас сижу перед вами...»

Парню оценили ногу в сто пятьдесят тысяч рублей, поставили немецкий протез. Он десять лет служил с одной ногой, но не стал невротиком, а стал психологом, спортсменом.

— Компенсация! — сказала коллега-психиатр.

— Все бы такими красавцами становились! — парировал я.

Но боль его не оставляет:

— Представьте, что у вас оторвало ногу, и вы чувствуете, как болят пальцы несуществующей ноги. Как будто в них вбивают гвозди, которые не вытащишь никакими плоскогубцами. Рука тянется поначалу к анальгину, потом к трамалу, потом к морфину, и он убивает вас, медленно, но верно.

Вчерашний больной выбрал страдание, спорт и работу. Но государство у нас жлобское. Раз десять лет служил с одной ногой, значит, не болел, раз терпел боль, значит, придумываешь. Образ Маресьева, который я ставлю в пример нынешней молодёжи, закрепился в куриных мозгах экспертов. Но герою-любимцу дали квартиру на выходе из метро «Пушкинская», а чеченский герой не заслуживает даже двух миллионов стремительно обесценивающихся рублей.

Часть первая. РЭБ

Дорога в Ханкалу

Во время праздничного митинга на железнодорожной станции Рада, что под Тамбовом, нам торжественно вручили боевое знамя части, на котором покачивалась бело-голубая ленточка ордена имени Богдана Хмельницкого. Затем передали «шефскую помощь»: два десятка компьютеров с принтерами, девять телевизоров и пять видеомагнитофонов. Зачем нам в Чечне бытовая техника? И кем были так называемые шефы батальона радиоэлектронной борьбы?

— По вагонам! — скомандовал комбат, после чего мы неспешно заняли места в трёх плацкартах. Вооружение и технику накануне три дня крепили на пятидесяти платформах.

Поезд продвигался крайне медленно, уступая дорогу всем подряд, подолгу отстаивался в загонах и тупиках. За первые сутки мы не проехали и двухсот километров. В пять утра меня разбудил голос начальника штаба:

— Док, подъём! Бери свою аптечку и к тридцать шестому вагону! Бойца электрической дугой накрыло.

— Где стоим?

— Грязи, под Воронежем. Давай быстрее!

Схватив врачебный чемоданчик и носилки, я выскочил на улицу. Пробежав с пару десятков вагонов, наткнулся на лежащего без сознания солдата. От него пахло горелой кожей. В это туманное утро, охраняя вагон, он зачем-то залез на крышу, где был сражён электрической дугой от высоковольтных проводов. Удивительно, что ещё остался жив. Хорошо, что это произо-

шло не на ходу и начальник караула вовремя сориентировался и доложил начальнику штаба. Но в том, что он выживет, ещё никто не был уверен. Всю его спину, ноги покрывали ожоги второй-третьей степени. Кожа отслаивалась вместе с дымящимся ватником и камуфляжем. Первым делом ввёл ему промедол, преднизолон, кордиамин и поставил капельницу с физраствором. Через тридцать минут приехала машина скорой помощи и увезла его в районную больницу. Больше его в нашей части никто и никогда не видел. В Чечню он так и не приехал.

Навстречу нам попадались такие же воинские эшелоны, которые возвращались в ППД — с разбитой и искорежённой боевой техникой и загоревшими, весёлыми, подвыпившими людьми, которые вызывали зависть и восхищение. На ходу они подбадривали нас армейским юмором, и мы чувствовали себя новобранцами, салагами, у которых всё ещё впереди.

После Ростова-на-Дону дорога пошла быстрее. Поезд набирал обороты. Чем дальше на юг, тем ярче ощущалось дыхание весны. На станции Кавказской мы выбежали из вагонов и ринулись на вокзал в поисках свежих продуктов и овощей, так как консервами уже давно пресытились.

В Минеральных Водах нам выдали каски, бронежилеты и оружие: автомат, пистолет, по четыре магазина с патронами и по две гранаты. Это нагнетало обстановку в вагоне, но с другой стороны, появилось новое для нас ощущение защищённости. В Моздоке мы уже с оружием в руках сделали вылазку в город, чтобы посетить местный рынок. Пассажиры сторонились нас, когда мы залезали в маршрутку с автоматами наперевес. Мы ощущали себя пришельцами из другого мира.

Здесь же, на станции, солдаты наполнили щепнем мешки и уложили их на пол вагонов. Выставили внешний двойной караул. Перед локомотивом прицепили

две платформы с горками из песка и щебёнки. Сапёры сказали, что это профилактика от неуправляемого взрывного устройства. Ночью мы должны были въезжать в Чечню.

Следующей остановкой была станция Гудермес, она же «запасная» столица республики. Чечня стояла разрушенная, разбомбленная и замусоренная. И чем дальше вглубь мы проезжали, тем ощутимей становилась разруха, тем больше нам встречалось окопов и разбитой военной техники на пути. Я вспоминал хронику киноэпопеи. Казалось, что мы перенеслись лет на пятьдесят назад. Возле каждого моста возвышались импровизированные блокпосты из брёвен, щитов, колючей проволоки, маскировочных сетей, с надписями на бревенчатых стенах: «Орёл, Тула, Москва-Сокольники, Иркутск, Тыва». Их караулили омовцы в банданах. Они радостно махали нам вслед и на ходу угощали сигаретами. Обещанные для сопровождения и прикрытия эшелона вертолёты так и не появились.

Местные жители с напряженной радостью и с интересом на лицах встречали прибытие эшелона:

— Откуда вы, ребята?

— Со всей России, мамаша! — отшучивались солдаты. Наверное, это и было правдой.

Вдоль воображаемой платформы полуразрушенного вокзала располагались импровизированные лотки, и подростки с почтенными дамами, закутанными в бесформенные платки и чёрные сарафаны, радостно зазывали отведать угощения. Но комбат строго-настроено приказал оставаться в вагоне, и мы лишь из окна любовались дешёвым изобилием пищи.

— Ребята, берите котлетки, по пять рублей, по пять рублей отдаю. Десяток по четыре будет! — упрасивала пожилая чеченка с миской ароматных яств.

Котлеты и пиво проникли в вагон, и вскоре мы, уже не стесняясь лакомились ими. Мне думалось: «А на-

сколько он понимают, кому предлагают подкрепиться? Или это присущая человеку жажда наживы? Или очередной абсурд войны?»

На ночёвку остановились в Гудермесе. До пункта постоянной дислокации — Ханкала — оставалось тридцать километров. Выбрали дозорных. Командир сформировал группы по трое солдат во главе с офицером, прапорщиком, которые должны были по очереди охранять наш сон, эшелон и технику. До всех был доведён приказ: «При звуках стрельбы — падать на пол и выползать под рельсы, где занимать позицию для обороны и ведения огня! Стрелять одиночными, беречь патроны».

Не раздеваясь, с автоматом в обнимку лёг на вторую полку плацкарта. Уснул быстро, несмотря на звуки отдалённой стрельбы. Снился дом, родные, Питер...

Я даже не понял, как свалился на пол: из-за взрывной волны от выстрелов гранатомётов или от испуга из-за автоматных очередей. Боли от падения не почувствовал. Быстро снял автомат с предохранителя, дослал патрон в патронник и принялся ждать. Складывалось ощущение, что обстреливают со всех сторон. Вагон вибрировал и дрожал от взрывов.

Посмотрел на часы. Через тридцать минут начнётся новый день. «Доживу?» — промелькнула мысль. Я лежал на спине, у ящика с наркотиками, и думал, что меня заставило приехать сюда, в эту такую далёкую страну. Приказ, верность долгу, романтика или ещё какое-то необъяснимое желание молодости... В голове мелькали яркие сцены из, казалось, уже прожитой жизни. Мысленно я прощался с близкими и в очередной раз спрашивал себя, что я здесь делаю. Интенсивность выстрелов нарастала. «Сколько времени прошло? Впрочем, какая разница. Дожить бы до рассвета...» — таков был мой диалог сам с собой.

Со второй полки донёлся голос начальника аптеки — старого, «продуманного» прапорщика Чеботарёва, который не собирался прыгать:

— Вячеслав Иванович, возьмите пластиковую бутылку! До туалета далеко ползти.

— А вы почему не спрыгнули, Андрей Владимирович? Тут внизу хоть камни какие-то есть.

— Не помогут нам эти мешки, если начнётся по-крупному. Да и старый я уже от судьбы бегать!

Через минуту к нашему проёму подполз комбат и прервал разговор нецензурной речью.

— Док... ты что... тут делаешь?

— Наркотики охраняю. Готовлюсь принимать раненых, развернуть полевую палату и оказывать им медицинскую помощь.

— Занять позицию под вагоном!

— А как же наркотики? Кто будет помощь раненым оказывать?

— Выполняйте боевой приказ, товарищ старший лейтенант!.. Чеботарёва хватит.

Страшно было выползть на улицу. К тому же ночью заметно похолодало. Взяв матрас, я пополз к выходу. По лестнице на руках спустился с вагона и залёг между рельс на шпалах в ожидании нападения. В какую сторону направить свой автомат? Мне казалось, что выстрелы раздаются отовсюду. Вфить... вфить... вфить, подобно птичкам-полёвкам, засевшим в кустах. Бабах, бабах — сполохи от гранатомётов. Стрелять было бессмысленно. Кроме трассирующих пуль и огневых зарниц, периодически освещавших привокзальную площадь, видно ничего не было. Когда же появятся те, кто нас атакует? Или они хотят уничтожить врага без близкого боя? Я рассудил, что пока нападающие не показали себя, лучше поберечь патроны и гранаты, так как на руках было лишь два магазина для АКС и три к ПМ. То ли от перенапряжения, то ли от усталости я не почувствовал, как уснул.

— Подъём, док! Всё самое интересное проспал! Бой позади... — толкнул берцем полковник-инструктор.

На часах пять тридцать. Скоро будет светать. Раненых и убитых не было. Посчитали дырки от пуль на вагонах — тоже немного. Ребята находились в какой-то эйфории от боевого крещения. Ещё не одну неделю мы вспоминали всё новые и новые подробности боя под Гудермесом. Удивительно, что все мы (двести пятьдесят семь человек отдельного батальона радиоэлектронной борьбы) остались живы и невредимы, так как многие не берегли свои патроны и обнаруживали себя стрельбой.

Поезд двигался со скоростью десять километров в час, останавливаясь перед каждым мостом, где сапёры проверяли полотно. Под Аргуном наш эшелон обокрали — и это с выставленным караулом. Местные мальчишки залезли на движущиеся платформы и на ходу выбросили аккумуляторы из боевых машин. Ни у кого не поднялась рука стрелять в спины убегающих десятилетних пацанов. «Им бы в школу сейчас, а не во взрослые игрушки играть», — подумал я, поражаясь очередному абсурду войны. По прибытию пришлось заместителю по вооружению списывать их на «новый бой», а мы с психологом выпустили по этому случаю второй боевой листок.

Вечером мы прибыли на станцию Ханкала, которая представляла цепочку фанерных будок с дощатыми столами и лавками, с хитрыми продавцами и самыми большими в стране ценами на всё. Тут же жарили шашлык, тут же варили нехитрую шурпу и тут же отблескивали витрины с турецким и украинским золотом в окружении военной формы и роскошного вида полотенца с изображением обнаженных девиц.

Ханкала стала известной благодаря военному аэродрому, а с недавнего времени здесь разместились центр ОГВ(с) и 42-я МСД, которая пришла на смену

первой. Пули, мины, гранаты, вертолёты, пыль, бронетехника, всевозможные вооруженные формирования — первое, что бросалось в глаза. Анархия или порядок? Я так и не определился с термином. А вокруг постоянно шла стрельба, набирали счёт ежедневные человеческие потери, то от рук врага, то от собственной халатности. Чувствовалась партизанская война, которой способствовали продажность некоторых лиц и амнистия.

Вечерами было красиво. Мы разместились на равнине. На юге поднимались Кавказские горы, местами покрытые снегом. В ночном зареве пылали нефтяные вышки. Солдаты выпускали ракетницы и трассера, и меня не покидало ощущение детского праздника с искусственным, бестолковым салютом. Ночью «чехи» (так называют чеченцев) обстреливали блокпосты, заставы, и «взаимные любезности» могли продолжаться до утра, подкрепляемые бомбометаниями САУшек. К этому быстро привыкаешь, и после напряжённого дня наступал здоровый, крепкий сон.

В чистом поле мы разбили палаточный лагерь в несколько линий. На первой, примыкающей к разбомбленной взлётно-посадочной полосе, — жилые палатки с медпунктом, на второй караульная палатка со складом вооружения, палаткой комбата. На третьей — вагончик финслужбы (кунг), столовые (солдатская в УСБ и офицерская в УСТ), полевая кухня (печки на колёсах), продсклад и вещевого склад. Четвёртая линия — это умывальники, полевой душ (брезентовый забор и шесть позиций) и дощатые туалеты. Потом парк военной техники, и далее следовал командный пункт с самодельной баней. Всё было сделано своими руками. Медицинский пункт разворачивали трижды, так как зампотылу первые два раза не нравилось. Имелся даже импровизированный спортгородок с турниками и скамейкой для качания верхнего пресса. Сейчас нас

окружает кольцо из боевых частей, но скоро их выведут в Россию (на «большую землю»), и мы останемся одни. Пока нам дали время на адаптацию к местным условиям и притирку техники и жизнеобеспечения.

Кормили бесплатно, но невкусно: сухая картошка, килька в томате, тушёнка, сухари. Фруктов и овощей не было. Вода оказалась низкого качества, и временами на ней плавали жирные пятна. Думаю, что это нефтяные разводы. Самый ценный подарок в жару — это полторашка газировки. Днём градусник показывал тридцать шесть. В «тихий час» невозможно было что-то делать или писать. Командир старательно выискивал тех, кто дремлет, и шуточно наказывал.

Апрель 2000-го

Первые дни на Чеченской земле проходили в страхе возможного нападения. Это активно муссировалось на всех рабочих совещаниях, которые начинались после восьми вечера и продолжались полтора-два часа.

— Где начпрод-начвещ?

— Уехал на склад, товарищ командир! — несмело ответил начальник продовольственного и вещевого склада — сорокалетний прапорщик с красным от продолжительной военной службы лицом.

— Какой, на хрен, склад в девять часов вечера?! Пьяный или обкуренный, небось, в парке где-нибудь лежит! Начальник столовой — сходи, поищи этого подонка.

— Я туда бойцов посылал, никого не нашли. Его машина ещё не возвращалась в парк.

— Найти этого старлея и нас...ть ему в рот! Вы слышите, зампотыл? Я проверю! Вам всё понятно? — заорал комбат.

— Так точно, товарищ майор, — тихо ответил замполит.

Командир батальона, когда нервничал, а это происходило с ним во время каждого совещания и нередко на общих построениях, переходил на садистские шуточки с гомосексуальным направлением. Он был женат, имел ребёнка, но, по-видимому, сказывалась какая-нибудь психоаналитическая травма. Тему голых ягодич, опущенных штанов, экскрементов он поднимал раз от раза, и, как мне показалось, смаковал это в присутствии подчинённых и унижая кого-нибудь, но чаще за глаза. Он мог приказать повесить вывеску «Бар Голубая устрица» на палатку офицеров и долго муссировать свою шутку в кругу собутыльников.

Совещание продолжалось второй час. В палатке было не продохнуть от сизого сигаретного дыма, перемешанного со степным зноем.

— Док, ты чем завтра занимаешься?

— Веду больных в медбат!

— Какой, нахрен, медбат?! Пусть лечатся здесь, в палатках! Тебе всё ясно? Если всех больных поместить в медбат, кто служить будет? Лагерь наш охранять, в караул ходить, наряды тащить. Если отправишь ещё одного, поставлю тебя и твоих медсестёр в караул. Доходчиво объяснил?

— Так точно, товарищ майор!

— Будешь завтра старшим команды. «Арбалет» разворачивать. Возьмёшь бойцов во второй роте. Офицеров не хватает.

— А «Арбалет» — это новая автоперевязочная?

У офицеров смех разрядил густую пелену табачного дыма.

— Начальник штаба тебе объяснит популярно завтра, что это такое. После того, как ты укрытие за КП для неё подготовишь. Мне твои шуточки не нужны здесь. Ишь, юморист нашёлся! Всё ясно?

— Так точно, товарищ майор!

— Зампотыл, что вы там с доком не поделили? Орали перед столовой. Всех на уши подняли.

— Он не свою палатку развернул. Ему лагерную положено, а он УСТ взял, — зампотыл в выстиранной десантной тельняшке лениво оторвался от журнала «Максим».

В первые дни становления полевого лагеря каждое структурное подразделение батальона разворачивало свои палатки для поддержания жизнедеятельности. Приоритетом в развертывании служили палатки для проживания. Офицеров размещали в палатки УСТ, по восемь-десять человек, солдат — в палатки УСБ по двадцать человек в каждой. Как выяснилось, не все палатки из выданных накануне были новенькими. Некоторые шли в некомплекте, без поднамётов (белая ткань, служащая для утепления и внутренней изоляции, а также выполняющая санитарно-гигиеническую функцию, так как её можно стирать, чего никогда не делали), и требовали капитального ремонта. Дождаться же, когда тебе выдадут имущество, было бессмысленно, так как получишь неликвидное старьё. Никто не знал, что и кому положено, так как, кроме комбата, никто не видел схемы развертывания полевого лагеря и штата. Я ориентировался на знания ОТМС (организация тактики медицинской службы) и этим утверждал свою правоту.

— Какая была, такую и развернул. Мне что, имущество под чистым небом держать? Стащат аптеку, кто потом расплачиваться будет? Вы лучше, товарищ капитан, посмотрите, что на сегодняшний обед было личному составу приготовлено. Греча с чайной заваркой вперемешку с прожилками тушёнки. Как таким варевом людей собирались кормить? Ещё один запрет выдачи пищи личному составу, и я буду обязан доложить начальнику медицинской службы округа